בס"ד

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

WOHL LEGACY
Empowering Communities. Transforming Lives.

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Структура идеального общества

«Итро»

В палате лордов есть особый зал, используемый, помимо всего прочего, как место, где на новоиспеченных пэров надевают парадное облачение перед тем, как официально представить их другим членам палаты.

Когда палате лордов должны были представить моего предшественника, лорда Якобовица[1], сотрудник, одевавший его, заметил, что лорд Якобовиц — первый раввин, которому выпала честь войти в верхнюю палату парламента. Лорд Якобовиц ответил: «Нет, я второй». «Кто же был первым?» — удивленно спросил сотрудник. Лорд Якобовиц показал на огромную фреску, украшающую зал, и напомнил название зала. Из-за фрески, размещенной на самом видном месте, комнату называют «залом Моисея». На фреске изображен Моше, несущий скрижали с Десятью заповедями с вершины Синая.

Итак, первым раввином, украсившим своим присутствием палату лордов, был Моше.

Десять заповедей, появляющиеся в тексте нашей недельной главы, давно занимают особое место не только в иудаизме, но и в более широкой системе ценностей, которую мы называем иудеохристианской этикой. В США часто можно видеть текст Десяти заповедей в оформлении помещений американских судов; правда, против их использования в оформлении возражали — в некоторых штатах успешно — на том основании, что оно нарушает *первую поправку* и противоречит принципу отделения церкви от государства. Десять заповедей доныне остаются величайшим выражением высшего закона, которому покорны все человеческие законы.

В иудаизме они тоже занимают особое место. Во времена Второго храма их декламировали на ежедневной молитве: они были частью «Шма», в то время содержавшей четыре абзаца, а не три (Мишна Тамид, 5:1; Брахот, 12а). И только когда сектанты стали утверждать, что лишь эти заповеди, а не остальные 603 исходят напрямую от Б-га, их перестали декламировать[2].

---

[1] Якобовиц Иммануэль (1921–1999) — лорд, английский раввин. Был главным раввином Объединенных еврейских конгрегаций Великобритании с 1967 по 1991 год. — *Примеч. перев.*

[2] Мы не знаем, кто были эти сектанты: возможно, среди них были и ранние христиане. Согласно их доводу, сыны Израиля услышали непосредственно от Б-га только эти заповеди. Остальные заповеди они услышали лишь через посредство Моше (см. комментарий Раши к Брахот, 12а).

Тем не менее текст сохранил свою власть над сознанием евреев. Хотя его убрали из ежедневных коллективных молитв, он оставался в молитвеннике как материал для индивидуального размышления, его следовало произносить вслух после завершения официального служения. В большинстве общин, когда заповеди зачитывают вслух в ходе чтения Торы, люди встают, невзирая на тот факт, что Рамбам недвусмысленно постановил, что делать этого не следует[3].

Однако вопрос об уникальности Десяти заповедей непрост. Если рассматривать их как нравственные принципы, то по большей части они были не новы. Почти во всех обществах еще раньше существовали законы, запрещавшие убийство, кражу и лжесвидетельство. Определенная оригинальность есть в том факте, что эти заповеди — аподиктические, то есть простые утверждения «не убивай», «не прелюбодействуй» и т. п. «не», в противоположность казуистическим формам «если… то». Но их всего десять в общей массе прочих, куда более многочисленных: ведь в совокупности заповедей 613. Причем в самой Торе они даже не именуются «десятью заповедями». В Торе они названы «асерет а-дварим» — «десятью речениями». Поэтому в греческом переводе они называются «декалог», что означает «десять слов».

Особенными их делает тот факт, что они просты и легко запоминаются. Дело в том, что в иудаизме закон предназначен не только для судей. Завет, то есть союз, на горе Синай заключили — что созвучно духу глубокого эгалитаризма, заложенному в сердце Торы, — не так, как другие союзы в Древнем мире (те заключались между царями). Союз на Синае заключил Б-г с целым народом. Поэтому понадобилась простая декларация базовых принципов, которую может запомнить и прочесть наизусть любой.

Более того, Десять заповедей задают на все времена параметры — мы почти могли бы назвать их «корпоративной культурой» — существования евреев.

Чтобы понять, как это происходит, стоит поразмыслить над их базовой структурой. Между Рамбамом и Рамбаном возникли существенные разногласия по вопросу о статусе первой фразы: «Я — Г-сподь, твой Б-г, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Шмот, 20:2). Рамбам, разделяя точку зрения Талмуда, полагал, что эта фраза — сама по себе заповедь: заповедь верить в Б-га[4]. Рамбан полагал, что это никоим образом не заповедь, а пролог или преамбула к заповедям. Современные исследования древних ближневосточных формул, использовавшихся при заключении союзов, в основном подтверждают мнение Рамбана.

Другой основополагающий вопрос в том, как подразделять заповеди. На большинстве изображений Десять заповедей разделены на две части, поскольку были начертаны на «двух каменных скрижалях» (Дварим, 4:13). Говоря упрощенно, первые пять заповедей касаются отношений между людьми и Б-гом, а вторые пять — отношений между людьми. Но возможно и иное осмысление числовых структур в Торе.

Например, семь дней Творения структурированы как две группы по три дня, за которыми следует всеобъемлющий седьмой. В первые три дня Б-г разделил сферы: свет и тьму, верхние и нижние воды, а также море и сушу. Во вторые три дня Он наполнил каждую сферу надлежащими предметами и живыми существами: то были солнце и луна, птицы и рыбы, животные и человек. Седьмой день был отделен от остальных как святой.

Похожим образом десять казней египетских состоят из трех циклов по три казни, за которыми следует отдельная, десятая. В каждом цикле из трех казней первые две происходили после предостережения, а третья обрушивалась без предостережения. Перед казнью, которая была первой в каждом цикле, фараону поступало предостережение утром (Шмот, 7:16, 8:17, 9:13), при второй казни цикла Моше было велено «идти к фараону» во

---

3 Рабби Моше бен Маймон. Книга «Послания и другие труды». М.: Книжники, 2011. С. 480. — *Примеч. перев.*

4 Моше бен Маймон. Книга заповедей. Предписывающая заповедь 1; Рамбан, глоссы к этому месту. — *Примеч. авт.* Рабби Моше бен Маймон. Книга заповедей. М.: Книжники; Лехаим, 2020. — *Примеч. перев.*

дворец (7:26, 9:1, 10:1) и т. д. О десятой казни, в отличие от остальных, было объявлено в самом начале (Шмот, 4:23). Это была не столько казнь, сколько кара.

Как представляется, заповеди сходным образом структурированы на три группы по три заповеди, а десятая отделена от остальных. Поняв это, мы сможем увидеть, что они формируют базовую структуру, глубинную «грамматику» Израиля как общества, связанного заветом с Б-гом в качестве «царства священников и святого народа» (Шмот, 19:6).

Первые три заповеди (запрет на «других богов предо Мной», запрет изваяний и изображений, запрет произносить попусту Имя Г-спода) предопределяют характер еврейского народа как «одного народа под Б-гом».

Б-г — наш верховный правитель. Следовательно, все другие земные власти подчинены высшим императивам, которыми Израиль связан с Б-гом. Б-жественная верховная власть превыше всех прочих уз лояльности («Пусть не будет у тебя других богов передо Мной»). Б-г — живая сила, а не абстрактная мощь («Не делай себе изваяния и никакого изображения»). А верховная власть предполагает благоговейное отношение к ней («Не произноси попусту Мое Имя»).

Первые три заповеди — а посредством их люди декларируют, что послушание и преданность Б-гу для них превыше всего, — устанавливают важнейший принцип свободного общества, а именно *принцип нравственных ограничений власти*. Если таких ограничений нет, даже при демократии возникает опасность тирании большинства, а лучшая защита от такой тирании — верховная власть Б-га.

Вторая группа из трех заповедей — о дне субботнем, о почитании родителей и о запрете убийства — служит принципу *сотворенности жизни*. Эти заповеди устанавливают ограничения идеи самостоятельности: иначе говоря, мы вольны делать все, что захотим, пока это не вредит другим людям. Шабат — день, посвященный стараниям узреть Б-га как Творца и Вселенную как Его творение. Ради этого каждый седьмой день все людские иерархии временно упраздняются и все — хозяин, раб, работодатель, работник, даже домашние животные — получают свободу.

Почитание родителей — признание нашей сотворенности в человеческом смысле. Эта заповедь говорит нам, что не все важные вещи в жизни — результат нашего выбора, особенно тот факт, что мы вообще существуем. Важную роль играет выбор других людей, а не только наш.

«Не убивай» заново устанавливает центральный принцип общечеловеческого завета с потомками Ноаха: он гласит, что убийство — не только преступление против человека, но и грех против Б-га, по чьему образу мы сотворены.

Итак, заповеди с 4-й по 7-ю образуют базовые юридические принципы еврейской жизни. Они велят нам помнить, откуда мы пришли, если мы осмысленно относимся к вопросу о том, как следует жить.

Третья группа из трех заповедей — запреты прелюбодеяния, кражи и лжесвидетельства — учреждает базовые институты, на которые опирается общество. Брак священен, поскольку из всех людских уз супружеские в некотором роде ближе всего к завету между нами и Б-гом. Брак — не только институт человеческого общества, опирающийся преимущественно на преданность и верность. Это еще и модель свободного общества. Лучше всего это выразил Алексис де Токвиль: «Пока теплится чувство семьи, борец с угнетением *никогда не будет одинок*»[5].

Запрет красть устанавливает принцип неприкосновенности собственности. Если Джефферсон отнес к неотчуждаемым правам права на «жизнь, свободу и стремление к счастью», то Джон Локк — его позиция ближе к духу Еврейской Библии — считал неотчуждаемыми «право на жизнь, право на свободу и право собственности»[6]. Тираны

[5] Алексис де Токвиль. Демократия в Америке.
[6] Джон Локк. Два трактата о правлении.

нарушают права собственности людей, а рабство оскорбляет человеческое достоинство именно тем, что лишает *меня* прав собственности на богатство, созданное *моим* трудом.

Запрет лжесвидетельства — непременное условие существования справедливого суда. Справедливому обществу нужно нечто большее, чем система законов, судов и правоохранительных органов. Как говорил судья Лернед Хенд, «свобода живет в сердцах мужчин и женщин; когда она умирает в сердцах, ее не в силах спасти ни конституция, ни закон, ни суд; собственно, конституция, закон и суд тут даже мало чем могут помочь»[7]. Без справедливого суда нет свободы, но справедливого суда не будет, пока каждый из нас не признает индивидуальную и коллективную обязанность «говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды».

И, наконец, появляется отделенный от других запрет завидовать ближнему из-за его дома, жены, раба, рабыни, быка, осла или чего угодно, что есть у этого человека.

Это кажется странным, если мы считаем «десять слов» заповедями, но ничуть не странно, если мы считаем их базовыми принципами свободного общества. Труднейшая из задач любого общества — сдержать такое всеобщее, неизбежное явление, как зависть: желание обладать тем, что принадлежит другому. Зависть лежит в корне насилия[8]. Именно зависть подтолкнула Каина к убийству Авеля, именно из-за существования зависти Авраам и Ицхак боялись за свою жизнь, так как их жены были красавицами, именно зависть побудила братьев Йосефа возненавидеть его и продать в рабство. Именно зависть ведет к прелюбодеянию, кражам и лжесвидетельству, и именно зависть к соседям побуждала сынов Израиля много раз покидать Б-га ради языческих обычаев своей эпохи.

Зависть — неспособность уяснить изложенный в Берешит, 1 принцип Творения, согласно которому всему есть свое место в мироустройстве. У каждого из нас своя задача и свои благословения, и Б-г любит и ценит каждого из нас. Живите в соответствии с этими истинами, и установится порядок. Отриньте их, и воцарится хаос. Нет ничего бесмысленнее и губительнее, чем позволить счастью другого преуменьшить в вашем восприятии ваше собственное счастье: а это и есть зависть, ее эффект.

Противоядие от зависти — по знаменитому изречению Бен-Зомы, «быть довольным тем, что имеешь» (Мишна, Авот, 4:1) и не беспокоиться оттого, что у тебя пока чего-то нет. Общества потребления строятся на разжигании и подогревании зависти: вот почему люди в них имеют больше, но довольны этим все меньше.

Спустя тридцать три столетия после того, как были дарованы впервые, Десять заповедей остаются самым простым и самым кратким руководством по созданию и сохранению идеального общества. Было перепробовано много альтернатив, и в большинстве случаев пробные попытки кончались слезами. По-прежнему верен мудрый афоризм: «Когда все прочие способы не дали результата, прочтите инструкцию».

© Rabbi Sacks • All rights reserved

7 «Дух свободы»: речь на торжественной церемонии «Я американец» 21 мая 1944 года в Центральном парке в Нью-Йорке.
8 Лучшая книга на эту тему: Helmut Schoeck. Envy: a Theory of Social Behaviour. New York: Harcourt, Brace & World, 1969.